

Николай Златовратский

Надо торопиться

Николай Златовратский

Надо торопиться

«Public Domain»

1911

Златовратский Н. Н.

Надо торопиться / Н. Н. Златовратский — «Public Domain», 1911

«В небольшом трехоконном домике чиновника Побединского, стоявшем на крутом обрыве к гнилой речонке города N, произошло очень важное для обитателей его событие: вчера умер от скоротечной чахотки единственный сын хозяина, гимназист 6-го класса. Болезнь свалила его быстро...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Николаевич Златовратский

Надо торопиться¹

Посвящается памяти В-ой

Sunt cuique... ()*

(Каждому свое... (лат.).)*

I

В небольшом трехоконном домике чиновника Побединского, стоявшем на крутом обрыве к гнилой речонке города N, произошло очень важное для обитателей его событие: вчера умер от скоротечной чахотки единственный сын хозяина, гимназист 6-го класса. Болезнь свалила его быстро. Еще неделю тому назад можно было каждое утро, в обычные восемь часов, встретить Костю Побединского – этого длинного, сухого, сгорбленного, с худым лицом и близоруками глазами в очках юношу, поднимавшегося с трудом на высокий вал, для сокращения пути в гимназию.

Это был юноша тихий, смирный, способный – один из первых учеников гимназии. Все прочили ему хорошую карьеру, и только чересчур напряженное прилежание и какая-то лихорадочная торопливость, которая замечалась во всех его действиях, да как будто несколько блуждающая мысль – признак человека, постоянно сосредоточенного на каком-нибудь одном пункте, вызывали некоторое опасение за его судьбу. Но вообще им были довольны все. Даже был доволен отец, добрый в сущности человек, но имевший странный взгляд на воспитание: он считал обязательным быть суровым с детьми и не допускать «нежностей». Он говорил: «Наша жизнь трудная. Нам не к сердцу миндальничать... Нужно, чтобы наш брат с пеленок закалял себя, чтобы каждый час у него был рассчитан... Нам время терять нельзя...» И благодаря такому взгляду он упорно душил в себе всякое проявление чувства, чтобы не выказать «слабости». Тем не менее дети хотя и боялись его, но уважали. Отец был суров и с Костей, но Костя чувствовал по интонации в голосе отца, по некоторым чуть приметным взглядам, на которых он ловил его, что отец им доволен, что он любит его, что он верит в него и ждет от него многого. Действительно, отец возлагал на своего единственного сына большие надежды, что, наконец, он выведет их всех в «люди». Это был самолюбивый человек. В свое время он сам мечтал «выйти в люди», выбиться из всенивелирующей пошлости и приниженности – на это он потратил много энергии (уже будучи чиновником, он приглашал к себе на уроки семинаристов, платил им из своего скудного жалованья, мечтая, при помощи их, пополнить недостатки собственного образования). Когда у него родился Костя, он еще сам мечтал сдать вступительный экзамен в университет! Но нужда и неудачи час за часом обрывали крылья этой энергии, и, не выигрывая в осуществлении своих мечтаний, он только проигрывал по службе, как человек, смотревший несколько свысока на своих начальников и сотоварищей. Это его озлобляло. Костя рос, и понятно, что все мечты отца-неудачника сосредоточились на сыне. Он следил за ним, за каждым шагом в его развитии с каким-то мучительным томлением. Трудно сказать, кому было больнее и обиднее от каждого неудовлетворительного балла – отцу или сыну. Отец почти никогда не наказывал Костю, но последний в тысячу раз больше всякого наказания боялся взгляда отца, этого невероятно мученического и страдальческого взгляда, как будто с него заживо снимали кожу. «Эх, Константин! – бывало, скажет отец таким невыносимо-страдальческим тоном, что в Косте перевернется вся душа. – Неужели, братец, нам всем так и суждено сгибнуть?.. Ведь, кажется, бог не обидел нас ни умом, ни талантами, а?...» И этого

было достаточно, чтобы в Косте вызвать всю силу напряжения, которая в нем могла найтись. Целые ночи пролетали за латинскими и греческими вокабулами²; портились глаза, горбилась спина, преждевременная дряхлость сказывалась в молодом организме... Вот уже проходили последние годы гимназического ученья, еще несколько шагов и – Рубикон будет перейден³; там, впереди, все же будет легче... И еще томительно-мучительнее наблюдал молча за сыном отец, и лихорадочно-торопливее напрягался сын.

Костя умер в конце осени. Легко вообразить, какое впечатление произвела его смерть на отца. Стоило только взглянуть на эту высокую, сухую фигуру, суровую и строгую, с гладко выбритым подбородком и ввалившимися, зеленоватого цвета, щеками, с поседевшими за одну ночь волосами, – фигуру, неподвижно стоявшую целыми часами в маленькой зальце у гроба сына, чтобы понять, какую душевную муку переживал Побединский. Все три дня, пока шло «убиранье» покойника, прощанье, похороны, поминки, Побединский почти ничего ни с кем не говорил. Когда кто-то из педагогов захотел пособолезновать и сказал Побединскому, что Костя «надорвался», что надо бы ему полегче относиться к делу, что ведь так невозможно...

– Что невозможно? – сурово перебил его Побединский.

– Так надрываться... Надо легче относиться к жизни.

– Легко-с?.. А позвольте вас спросить, если бы мы не надрывались в школе, легче нам было бы жить?.. Я вас спрашиваю: легче было бы нам жить?.. Нет, вы при наших детях этого не говорите...

– Но ведь вот какой результат...

– Пусть! – сурово проговорил Побединский. – Это лучше... Не вывезло, ну что ж?.. Лучше смерть, чем прозябание... Для нас иначе нельзя... Для нас отдых только впереди...

² *Вокабулы* – слова или речения иностранных языков, подобранные в известном порядке, снабженные переводом и предназначенные для заучивания наизусть.

³ *Перейти Рубикон* – сделать решительный шаг, определяющий дальнейшие события.

II

Когда Костя лежал уже мертвый, сначала на постели, потом в гробу на столе, потом в церкви, за ним, в наивном недоумении, упорно, со страхом и любопытством следили два бойких голубых глаза. То была краснощекая, с густыми кудрями двенадцатилетняя сестренка его Надя, прозванная «чемоданчиком» самим Костей за ее изумительный аппетит. Когда Надя увидела рыдавшую мать и мрачное, смоченное слезами лицо отца, она игриво и неслышно, как кошка, просунула голову в дверную щель в комнату, где лежал на кровати труп Кости, и долго внимательно смотрела в его сухое, зеленое лицо и спрашивала: что же это такое? Это и значит умер? Значит, он больше не будет сидеть в кабинете за латинской грамматикой или заниматься с нею по арифметике? Или он полежит так еще с неделю, другую и потом встанет, и опять она будет видеть его за тем же столом, сгорбленного, в очках, у лампы с голубым абажуром, низко уткнувшего свой нос в толстый лексикон? Да, конечно, так, решила она и убежала прыгать на улицу.

Но вот принесли гроб. Костю нарядили, положили в гроб и поставили среди залы на стол. И опять, когда все ушли, два быстрых и внимательных глаза сверкнули в дверной щели, потом высунулась кудрявая головка, потом два несмелых шага, и Надя опять в недоумении всматривается в новую незнакомую ей картину. Она уже ничего не думает, она поражена и только спрашивает: «Ну, что же дальше будет?»

Потом пришли вдруг разом все товарищи Кости, весь класс, подняли на руки гроб и унесли в церковь, а оттуда так же понесли на руках на кладбище.

Особенно забавны были ей двое, которые надели на головы крышку гроба, словно одну большую шляпу... И Надя все продолжала спрашивать себя: «Что же дальше?» Дальше – Костю закидали землей и уехали...

«Только-то? – это был последний вопрос, который так и застыл в ее больших глазах. – И больше уж Костя не будет учить свои латинские вокабулы? Не будет сидеть сгорбившись целые ночи за своим столом у голубого абажура лампы? И для этого только он сидел сгорбившись столько дней и ночей?»

И опять она спрашивала себя: «Только-то? И больше ничего не будет? И все тут?» И никак она не могла с этим примириться, и все думалось ей, что Костя вернется и опять сядет у голубого абажура, потом будет сдавать экзамен, все будут довольны – и он, и папа, и мама... Всем будет так весело, потому что все будут мечтать, как скоро Костя «выйдет настоящим человеком», как для всех них начнется какая-то новая, не такая – «настоящая жизнь».

Как для отца и матери, так и для нее в Косте заключались представления, все мечты о будущем: что-то такое неизвестное, но несомненно новое, хорошее, какие-то громадные перспективы должен был открыть им Костя. На нее, девочку, хотя ей и было уже двенадцать лет, мало обращали внимания; если мать, стоя у ее постельки, и мечтала иногда об ее судьбе, то судьба эта как-то неизбежно всегда приурочивалась опять-таки к тому же Косте. Костя же занимался с нею в свободное время; хотя в городе два года была уже открыта женская гимназия, но Надю отдавать не торопились, стесняясь средствами.

Кудрявая, краснощекая, она все еще беззаботно носилась по улицам, по садам и огородам, перепачканная, пыльная, больше напоминавшая резвого уличного мальчишку, чем степенную барышню.

Смерть Кости как-то сразу оборвала даже ее беззаветную резвость: даже для нее стало понятно, что что-то оборвалось. Бегаёт-бегаёт она теперь и потом вдруг, совершенно невольно, забежит в кабинет, в залу, и присядет в уголок, и долго смотрит в передний угол, где недавно

стоял дьячок, читал Псалтырь⁴, искрился и блестел большой серебряный подсвечник в изголовье гроба, – а вот тут гроб и в нем Костя... И ее охватывало какое-то страшное, гнетущее недоумение, и ей казалось, что теперь уж нельзя почему-то больше бегать и лазать по деревьям так, как она бегала и лазала раньше, «при Косте»... Что же нужно было делать, как жить «по-новому», она не знала, но чувствовала, что что-то надо было делать по-другому.

Однажды, когда она так же сидела в уголке зальца, ранним утром, вернувшийся откуда-то отец вдруг заговорил с ней.

– Надежда, – сказал он с обычной суровостью, – оденься получше... Поди, мать оденет... Да скорее, надо торопиться!..

Надя сначала вздрогнула (она боялась отца бессознательно; он был для нее таким же воплощением грозной правды, как громовержец), потом она вся вспыхнула, вскочила и робко стала смотреть на отца широко открытыми глазами.

– Ну, ступай же... Говорю: торопиться надо! Еще, может быть, успеем... – повторил отец.

Надя робко и смиренно опустила глаза, сконфузилась и степенной, торопливой (совсем, совсем не прежней прыгающей, козьей) походкой пошла к матери: во всем ее существе вдруг сказалось, что вот теперь наступило это «новое», и новое это заключалось прежде всего в том, что куда-то зачем-то неизбежно, необходимо «надо торопиться»...

Мать одевала ее плача и крестя (из ее головы, конечно, не выходил Костя, и, может быть, в ее воображении мелькнул новый гробик)... Вот Надя в голубом платыце, белой пелеринке, капоре и стареньком драповом пальто вышла с отцом из дому. Отец шагал широким, торопливым шагом, Надя семенила, едва поспевая за ним, взволнованная, запыхавшаяся, полная неясных, тревожных ощущений.

– Ну, Надя, – говорил отец, – теперь уж ты... Теперь на тебя вся наша надежда... Тебя и зовут Надеждой, – улыбнулся он ей. – Почем знать, может быть, это и недаром... Бог знает, к чему все ведет!.. Конечно, ты не мальчик, не Костя... Уж от тебя ждать того нельзя, а все-таки... Нам больше нечего делать: мы не баре, чтобы выезжать на балы, заниматься изящными искусствами и обольщать богатых женихов; мы и не купцы – у нас нет средств делать тебе приданое... Все наше – мальчик ли, девочка ли, все равно, – все наше вот здесь, – постучал он себя набалдашником трости в околыш фуражки. – Ум, Надя, знание... прилежание... вот твое приданое!..

Так говорил Побединский, как будто действительно думал, что в жизни разночинца нет ни старых, ни молодых, что одинаково для всех должно быть присуще сознание суровой борьбы с жизнью.

Побединский вел Надю определять в гимназию, в которой уже начались занятия. Надо было торопиться поступлением. Кое-как, хотя и с грехом пополам, Надя сдала экзамен во второй класс, и ей сейчас же опять надо было торопиться – догонять своих одноклассниц.

⁴ *Псалтырь* – одна из библейских книг Ветхого завета, состоящая из псалмов, религиозных и морально-поучительных песнопений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.